

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ТАДЖИКИСТАНА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья является первой попыткой автора в изучении историографии Таджикистана (нового и новейшего времени). Автор изучая основные труды, источники, архивные материалы по истории таджиков подчеркивает важность первоисточника и призывает современных историков (особенно узбекских и таджикских) к объективному изучению основных этапов истории народов Центральной Азии, чтобы в дальнейшем избегать ошибок в интерпретации исторических фактов.

Ключевые слова: история, востоковеды, источники, архив, материалы, фальсификация, интерпретация, факт, культура, таджик.

После распада Советского Союза на постсоветском пространстве возникли новые и независимые государства. В рамках национального и государственного строительства в Центральной Азии новые независимые государства стали использовать историю в качестве одного из основных идеологических инструментов. Возникли новые исторические теории, служащие укреплению становящихся государств и политических режимов в Казахстане, Туркменистане, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане.

Следует отметить, что эти исторические теории не только имели явно идеологический характер, но и иногда изменялись под воздействием происходящих этнополитических и социокультурных процессов в этом регионе. Современные историки Узбекистана и Таджикистана¹ в рамках этих теорий стали спо-

рить друг с другом по основным периодам истории Центральной Азии и эти споры порой доходят до крайности и выходят за рамки научной этики. В ходе этих ожесточенных споров отвергается частично, а иногда и полностью, советская историография, создаются новые мифы, не имеющие исторической базы, переписываются некоторые страницы истории, интерпретируются важные и известные исторические факты и т.д. Дальнейшее развитие этой ситуации, на наш взгляд, загоняет многих этих историков в угол и способствует углублению кризиса исторической науки данного региона в целом.

Для преодоления этого кризиса ученым-историкам предстоит непростая задача. Одним из важным направлением в ближайшее время, на наш взгляд, является написание новых фундаментальных и объективных работ не только по истории и культуре, но и по историографии народов Центральной Азии, в особенности, нового и новейшего времени. Работа «Некоторые вопросы историографии Таджикистана нового и новейшего времени» является первой попыткой автора в этом направлении.

Историография Таджикистана является частью мировой историографии. Сама «историография» как наука появилась еще в античные времена. Она всегда развивалась параллельно с исторической наукой. Существует множество определений этой науки, но большинство историков склонны утверждать, что

¹ Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1138060920>; Аскарлов А. Антинаучная позиция пан-ираниста (ответ на статью Р. Масова «Тюркизация арийцев») // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1138149000>; Аскарлов А. Дискуссия по арийской проблеме в Центр Азии (2-й ответ паниранистам) // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1144357800>; 81. Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991; Масов Р. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995; Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2004; Масов Р. Ответ на статью А. Аскарлова «Арийская проблема: новые подходы и взгляды» // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1136562180>; Масов Р. Дома – таджики, на работе – узбеки. Хватит фальсифицировать историю Средней Азии! (ответ) // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1145219760>; Масов Р. Фальсифицировать и присваивать чужую нацисторию нельзя (ответ пантюркистам) // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1141856700>; Мирбабаев А. О термине «сарт» как о синониме этнонима «таджик» (К проблеме этнокультурных контактов иранских и тюрко-

язычных народов Центральной Азии) // Духовная культура таджиков в истории мировой цивилизации. Душанбе, 2002; Рахимов Р.Р. К вопросу о современных таджикско-узбекских отношениях. М., 1991; Шозимов П.Д. Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе, 2003 и т.д.

«историография» – это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю исторической науки. Историография проверяет, насколько верно применяется научный метод при написании исторической работы, акцентируя внимание на авторе, его источниках, отделении фактов от интерпретации, а также на стилистике, авторских пристрастиях и на том, для какой аудитории написана им данная работа в области истории.

Историко-этнографическое изучение Таджикистана (нового и новейшего времени) хронологически охватывает три периода – дореволюционный, советский и постсоветский. Дореволюционный период начинается примерно с момента присоединения большей части Центральной Азии к России (1867 г.)².

Хотя известны и работы более раннего времени³, которые также представляют огромную историческую ценность в процессе объективного изучения истории и культуры народов Центральной Азии. Например Ханьков Н.В. в своей работе «Описание Бухарского ханства» впервые предлагает обширный материал энциклопедического свойства: описываются географические местности, изучаются города и культурные центры (как Самарканд и Бухары), некоторые элементы материальной и духовной жизни проживающих там таджиков, сартов, иранцев, узбеков, арабов и т.д. В другой не менее интересной коллективной работе данного периода «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического Общества. Т. 3.» наряду с кочевниками и полукочевниками подробно изучается культура местного оседлого населения Кокандского ханства: таджиков, сартов, узбеков и т.д. Спустя несколько лет в работах Вельяминова-Зернова В.В. «Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана» и Северцова Н.А. «Месяц плена у кокандцев» более детально изучаются города, селения, элементы материальной и духовной культуры народов Кокандского ханства: таджиков, сартов, узбеков, киргизов, каза-

хов и т.д. Что характерно для историографии этого небольшого исторического периода? Во-первых, во всех этих работах мы часто встречаем название основных местных народов, населявших в тот период Центральной Азии: таджиков, сартов, узбеков, казахов, туркменов, киргизов и т.д. Во-вторых, после изучения этих работ этническая карта данного региона постепенно приобретала реальные черты для последующих исследователей истории и культуры народов Центральной Азии в конце XIX и начала XX в. В-третьих, эта этническая карта явно свидетельствует о том, что таджики, как и сарты проживали почти во всех районах тогдашней Центральной Азии. Поэтому, сегодня историки имея такие базовые сведения об этнической карте Центральной Азии того времени, должны избегать приемы фальсификации и интерпретации истории данного периода.

Настоящий прорыв в историко-этнографическом изучении Центральной Азии наступает, как было отмечено выше, с момента присоединения большей ее части к Российской империи. Этот период характеризуется записями, отчетами русских исследователей, которые впервые пристально стали изучать новые, завоеванные русской армией земли. Поэтому в основном обследовались города и районы бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. В это время экспедиционные работы велись учеными – энциклопедистами, занимавшимися, как правило, вопросами географии, ботаники, зоологии и т.д. В экспедициях также принимали участие царские чиновники и военные топографы⁴.

В результате почти полувекового изучения истории и культуры народов Центральной Азии были

⁴ См. Андреев М.С. Вахие. Туркестанские ведомости, 1899.- №93; Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. Отдел манекенов, бюстов и масок. М., 1879; Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. Фотографический отдел. М., 1879; Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин // Военный сборник. – С.- Петербург, 1883. – №12; Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С.-Петербург, 1889; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Издание 19. Отделения этнографии Императорского Русского географического общества. Вып. 3-4. Год шестой. СПб., 1896; Буяковский А.В. О пространстве и населении Туркестанского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1. СПб., 1872; Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 2. СПб., 1856 и др.

² Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М., 1962.

³ Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического Общества. Т. 3. СПб., 1849.; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 2. СПб., 1856; Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860 и т.д.

опубликованы большое количество работ, как индивидуального, так и коллективного характера. Появились первые военные, затем исторические архивы не только в центрах метрополии, но и в самих колониях. В этих архивах стали собираться полевые записи ученых, данные археологических, этнографических и других научных экспедиций, материалы переписи населения, разные отчеты, деловая документация колониальной власти, судебных органов, местной полиции, материалы периодической печати, позднее кино-фото документы. Сегодня во многих центральных архивах в Москве, Санкт-Петербурге, Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде, Бишкеке, Алматы, Душанбе и других городах России и Центральной Азии многие документы и архивные материалы того времени хранятся и являются доступными для исследователей истории и культуры народов этого региона. Эти архивные материалы являются важными источниками и свидетельствами истории и культуры народов Центральной Азии в XIX и начала XX века. Прежде чем приступить к детальному изучению некоторых из них, касающиеся истории и культуры таджиков, следует их классифицировать по разной тематики и проблемам историко-этнографической науки.

Эти источники и архивные материалы делятся на следующие категории:

- Индивидуальные монографии.
- Коллективные монографии и сборники.
- Отчеты этнографических, археологических, географических и других междисциплинарных экспедиций.
- Полевые записи, как индивидуальные, так и коллективные (собранные в одном сборнике).
- Материалы переписи населения Туркестанского края в разные годы.
- Материалы по районированию Средней Азии.
- Сборники географических, топографических и статистических материалов по Центральной Азии.
- Отчеты ревизии по Туркестанскому краю.
- Деловая документация местной власти, судебных органов, тайной полиции и т.д.

Следует подчеркнуть, что вышеназванные работы, источники и архивные документы были собраны в конце XIX и начале XX в. во всех регионах Центральной Азии, и по праву доступ к ним принадлежит всем историкам и исследователям истории и культуры народов этого региона. Равный доступ

и объективное изучение этих материалов дает возможности избежать историкам случаев интерпретации и фальсификации истории данного региона.

Некоторые вышеназванные источники и труды известных российских востоковедов в большей степени носят справочно-энциклопедический характер, но собранные и приведенные в них статистические, географические, этнографические, демографические, антропологические и лингвистические данные о народах, проживающих в то время на огромных просторах Центральной Азии, имеют огромное историческое значение.

Например, Г.А. Арандаренко впервые дает детальные сведения о районах компактного проживания, об элементах материальной и духовной культуры таджиков Южного Таджикистана. Он подробно описывает быт ремесленников, земледельцев, скотоводов Бальджуана и некоторых других районов Куляба⁵.

В. И. Липский предлагает обширный этнографический материал по Дарвазу и Кулябу. Например, исследуя Дарваз, он отмечает, что там «селения маленькие, но в высокой степени чистые и опрятные, когда города и селения Бухары обыкновенно далеко не отличаются чистотой». Очень интересны его сведения о мечетях, где происходили различного рода собрания, праздники и приемы гостей. Он подробно описывает Муминабадский базар, куда приезжали дарвазцы закупать пшеницу, и т.д.⁶

Очень точны и интересны этнографические заметки Д.Н. Логофета. Он подробно пишет о процессе кошмоваляния в Муминабаде, о технологии добычи железа в Дарвазе, о древесной растительности Куляба, Бальджуана, Каратегина и долины реки Ниоб, о свадебных обрядах, о древних верованиях горных таджиков, преданиях о пророке Шер-Али и его последователях в Восточной Бухаре и т.д.⁷ Интересны также его сведения о районах расселения таджиков, как, например, эта запись: «В горах как можно предполагать, с древних времен поселились

⁵ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С.-Петербург, 1889.

⁶ Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч.2, Гиссарская экспедиция, 1896. – С. – Петербург, Типо-литография «Герольда», 1902.

⁷ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – С. – Петербург, 1913

таджики, причем среди них вне города и больших кишлаков совершенно отсутствуют представители какого либо другого племени. Живя в кишлаках, расположенных в ущельях и на хребтах гор, и обрабатывая удобные для земледелия горные склоны, таджики до сих пор продолжают жить тою же жизнью, которою жили несколько сот лет тому назад. Равнина же имеет совершенно другой характер, тут население пришлое и частью, если так можно выразиться, случайное»⁸.

Полевые исследования проводились также в отдаленных горных селениях, где живут горные таджики. Компактное (небольшие селения) и в тоже время сплошное расселение, изолированность благодаря труднодоступности края, помогли им на века сохранить традиции седой старины среди этнического многообразия Центральной Азии, что отмечалось всеми вышеназванными исследователями. Горные таджики, как отмечал А. Брискин⁹, «не только сохранили свою этнографическую самостоятельность, но оказывали еще глубокое цивилизующее влияние на своих поработителей. Они научили кочевников-узбеков земледелию и ремеслам, они передали им свою религию». Большинство исследователей подчеркивает «значительную культурную общность» горных таджиков, которая «восходит, вероятно, к древним обитателям этого края – тохарам¹⁰. Общность горных таджиков проявлялась во всех аспектах материальной и духовной культуры, в особенности, в религии. Горные таджики (прежде всего памирские таджики) исповедовали, как и некоторые другие народы Афганистана, Ирана, Индии, Ближнего Востока – шиизм и разновидность этого толка – исмаилизм. Отголосками прежних верований являются многочисленные предания об Али, которого называют Божьим Львом – Али Шери Худо, сохранившиеся роши-мазары и обряды, надгробные шести, названные его именем. Об этом подробно в своих записях пишет Д.Н. Логофет¹¹. Антрополог В.В. Гинзбург

определил горных таджиков как «припамирский европеоидный тип». Антропологические исследования он проводил среди жителей Каратегина и Дарваза. Свои результаты он сравнивает с антропологическими и этнографическими данными многих отечественных и зарубежных исследователей, в том числе по Западному Памиру¹².

Многие исследователи – туркестановеды Царской России продолжили свою деятельность и после Октябрьской революции¹³.

¹² Гинзбург В.В. Горные таджики. – М.; Л., 1937.

¹³ См. Лыкошин Н.С. Народности Туркестана как военный материал // Военная мысль. Кн. 1. сентябрь 1920; Гаврилов М.Ф. Этнографический обзор Туркестана // Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. Ташкент, 1921; Сафаров Г. Очередные вопросы национальной политики. Ташкент, 1921; Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1917-1922 гг. Ташкент, 1923; Андреев М.С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. – ИТОР-ГО. – Ташкент, 1924. – Т. 17. – С. 217-218; Андреев М.С. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиатским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства» По Таджикистану», вып. 1. – Ташкент, 1927. – 26 с., вкл. илл.; Андреев М.С. По этнографии таджиков // Таджикистан (общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент. 1925. – Кн. 1. – С. 163 – 165; Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 году). – Ташкент, 1927. – С. 164 – 165; Андреев М.С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях // В.В. Бартольд. Ташкент, 1927; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1953. – Вып. 1. – 250 с.; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, 1958. – Вып. 2; Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. – Душанбе: Дониш, 1970. – 191 с. текста и 30 с. илл.; Кун В. Изучение этнического состава Туркестана // Новый Восток. Журнал научной ассоциации востоковедения Союза ССР. Кн. 6. М., 1924; Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925; Зарубин И.И. Население Самаркандской области. Л., 1926; Зарубин И.И. Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. Л., 1927; Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927; Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926; Магидович И. Население // Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ташкент, 1926; Семёнов А.А. К проблеме национального размежевания Средней Азии (истор.-этнограф. очерк) // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент. 1924, №2-3.; Семёнов А.А. Материальные памятники арийской культуры // Таджикистан / Ред. Н.И. Корженевский. Ташкент, 1925;

⁸ Логофет Д.Н. Кулябское бекство // Туркестанские ведомости, №111, 1905.

⁹ Брискин А. Страна таджиков. – М.; Л., 1930.

¹⁰ См. Кисляков Н.А. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – М., 1960, Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1953.

¹¹ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – С. – Петербург, 1913.

Изучение истории и культуры народов Центральной Азии после революции не только не прервалось, но и получило более широкий размах во второй половине 20-х годов. Однако в процессе размежевания – создания союзных республик на территории Центральной Азии – были допущены вопиющие ошибки и неточности. Комиссия по районированию, в составе которой не было ни одного ведущего ученого-востоковеда, должным образом не изучила труды вышеназванных дореволюционных ученых-туркестановедов. В результате этого в наибольшей степени пострадали таджики, которые получили лишь малую часть огромной историко-географической зоны – «Исторический Таджикистан». Возможно, такое размежевание было и результатом сознательной большевистской политики «разделяй и властвуй».

Вопрос о создании Таджикской ССР, а точнее, об отделении этой советской республики от тогда уже существовавшей Узбекской ССР в 1929 году, остается одним из самых серьезных камней преткновения для узбекских и таджикских историков. С начала 1990-х годов таджикская сторона начала предъявлять территориальные претензии на “исконные таджикские территории”, в частности, на Бухару, Самарканд и сопредельные земли¹⁴. Группа таджикских историков во главе с Рахимом Масовым приводит доказательства ущемления таджикского народа со стороны пантюркистской элиты в Бухарской Народной Республике и позже в Узбекской ССР. Сам Масов выступает с тезисом о “вытеснении” таджиков из культурных центров в горные районы и “ассимиляции” тех таджиков, которые подверглись в 1920-е годы узбекизации. При национально-территориальном размежевании Средней Азии, по логике этой группы, надо было создавать, скорее, Таджикскую ССР, а в ее рамках – Узбекскую АССР¹⁵.

Систематическая научно-исследовательская работа в Таджикистане началась в 30-х годах XX века советскими учеными в форме проведения крупных

комплексных экспедиций, в задачу которых входило и создание стационарных исследовательских центров, а также в дальнейшем подготовка научных кадров. Экспедиции, в которых участвовали историки, археологи, лингвисты, географы, геологи, ботаники, зоологи, экономисты, ученые других специальностей, собрали колоссальный первичный материал, послуживший впоследствии основой систематического и целенаправленного научного процесса в первых научных учреждениях республики.

Среди советских ученых-историков, которые еще в первые годы советские власти приступили к серьезному изучению культуры народов Центральной Азии, в том числе таджиков, особенно выделяется фигура М.С. Андреева¹⁶. Ему принадлежат фундаментальные историко-этнографические исследования. М.С. Андреев начал принимать активное участие в этнографических экспедициях в Самаркандской области (1921г.), затем в горных районах Таджикистана в 1923, 1925, 1927, 1928, 1929 и в 30-х гг. В результате появились такие серьезные труды по истории и этнографии таджиков, как: «Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921г.», «По этнографии таджиков», «Чильтаны в среднеазиатских верованиях», «Из материалов по мифологии таджиков», «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира», «К характеристике древних таджикских семейных отношений», 1949г., «Таджики долины Хуф. Вып.1», «Таджики долины Хуф. Вып.2» и т.д. М.С. Андреев как яркий представитель русской дореволюционной школы в своих трудах и в советское время продолжал изучать широкий круг вопросов, касающихся материальной и духовной культуры таджиков. Например, в работе «К характеристике древних таджикских семейных отношений» М.С. Андреев на базе огромного полевого материала подробно исследовал пережитки древних форм семейных отношений у горных таджиков. Энциклопедией быта и культуры горцев является его известная двухтомная монография «Таджики долины Хуф». Огромный интерес благодаря своему источниковедческому характеру представляет первый том, в котором подробно изучается обрядовая практика горных таджиков. Здесь же автором приводится дополнительный материал по таджикам со-

Семёнов А.А. Узбекские ханства в первой половине XIX в. // История народов Узбекистана Т.2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947; Федченко А.П. Первый отчет туркестанской учёной экспедиции // Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М, 1950 и т.д.

¹⁴ Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991.

¹⁵ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2004.

¹⁶ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1953.

предельных районов Шугнана и Рушана. Последний раздел книги отведен погребально – поминальным обрядам – представлениям о загробной жизни, аде и рае и т.д.

Другой советский историк и этнограф, Н.А. Кисляков, также внес весомый вклад в историко-этнографическое изучение Таджикистана в советский период. Ареал научных поисков и полевых работ этого автора охватывает почти все горные районы Каратегина, некоторые районы Памира, особенно Дарваза и Язгулема. В таких известных работах, как «Бурх – горный козел», «Следы первобытного коммунизма в Вахио-Боло», «Язгулемцы», «Этнографическое изучение Таджикистана», «Очерки по истории Каратегина», «Семья и брак у таджиков», «Некоторые материалы об этногенезе таджиков», «Таджики Каратегина и Дарваза», и т.д. он комплексно и подробно изучает материальную и духовную культуру, прежде всего, горных таджиков, рассуждает об этногенезе таджиков, опираясь на собственные материалы, накопленные в ходе многочисленных этнографических экспедиций в горных районах республики в разные годы.

Не мене известный автор многочисленных работ по истории и этнографии таджиков, Е.М. Пещерева¹⁷, свои труды также создала на базе огромного полевого материала, собранного в ходе многочисленных поездок в разные регионы республики на протяжении многих лет. В таких работах, как «Праздник тюльпана (лола) в с. Исфара Кокандского уезда», 1927г., «Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обряды», 1927г., «Поездка к горным таджикам», 1947г., «Домашняя и семейная жизнь», 1954г., «Гончарное производство Средней Азии», 1959г., «Ягнобские этнографические материалы», 1976г. и т.д. автор тщательно изучает календарные праздники горных таджиков, культуру и быт таджикского колхозного крестьянства, гончарное искусство мастеров Таджикистана, а также древнюю культуру ягнобцев (небольшая группа горных таджиков, ныне живущих в Матчевском районе республики, которые говорят на одном из диалектов древних восточных иранских языков эллинистической эпохи. – автор).

¹⁷ См. Пещерева Е.М. Поездка к горным таджикам: Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М.: Л., 1947., Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе, 1976 и др.

Труды А.К. Писарчик по истории и этнографии таджиков также представляют большой интерес для многих исследователей, изучающих историю и культуру этого народа. Основные работы автора – «Кулябская этнографическая экспедиция»¹⁸, «Жилище»¹⁹, «Смерть. Похороны»²⁰, «Народная архитектура Самарканда»²¹, «К вопросу о припамирско-кавказских параллелях»²² и др. – посвящены изучению хозяйства, материальной и духовной культуры горных таджиков Каратегина и Дарваза и городских таджиков Самарканда. Например, написанная ею на основе полевых этнографических материалов 50-х годов работа «Смерть. Похороны»²³ представляет собой свод данных по похоронной обрядности не только Каратегина и Дарваза, но и многих других районов как республики Таджикистан, так и за ее пределами. Фактически работа состоит из двух частей. Первая – это подробная фиксация всего погребального цикла по большому горному району – Каратегину и Дарвазу. Причем сложность подобного описания состоит в том, что систематизировать следует разнохарактерный материал, так как Каратегин является территорией, имеющей два пути проникновения новых форм погребальных обрядов. «Один – снизу по течению Сурхоба – Вахша, через Нижний Каратегин, другой – сверху через Джиргаталь»²⁴. Вторая часть – это подробнейшие примечания с богатым литературным и полевым материалом. А.К. Писарчик справедливо отмечает, что в погребальном обряде таджиков присутствует огромное количество пережитков доисламских древних верований²⁵.

¹⁸ Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция – Душанбе: Дониш, 1949.

¹⁹ Писарчик А. К. Жилище/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970.

²⁰ Писарчик А. К. Смерть. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976.

²¹ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда – Душанбе: Дониш, 1974.

²² Писарчик А.К. К вопросу о припамирско-кавказских параллелях// Памяти А.А. Семенова. Душанбе: Дониш, 1980.

²³ Писарчик А. К. Смерть. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976.

²⁴ Писарчик А. К. Смерть. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976.

²⁵ Там же.

Интересны также публикации Л.Ф. Моногаровой по истории и этнографии припамирских народов, прежде всего язгулемцев. В работах: «Материалы по этнографии язгулемцев»²⁶, «Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Тадж. ССР»²⁷ «Архаичный элемент похоронного обряда памирских таджиков (ритуальный танец)»²⁸ и др. автор подробно изучает материальную и духовную культуру язгулемцев, этногенез и этническую историю припамирских народов, обрядовую практику горных таджиков Памира. Например, автор пишет, что в Язгулеме строго придерживаются обычая захоронения на родовом кладбище. Для переноса тела покойного употребляют носилки в форме лестницы. Не готовят еду первые три дня после похорон, а жертвенным животным поминок третьего дня является курица или баран. Бытует известный и по другим районам похоронный танец – поямол²⁹.

Если отбросить идеологическую оболочку многих трудов советских ученых-историков и этнографов, изучавших историю и культуру народов Центральной Азии, в том числе таджиков, можно реконструировать реалистическую картину лишь некоторых моментов этнополитической и социокультурной истории этого региона. Прежде всего, ценны работы, которые посвящены обрядовой практике таджиков в конце XIX и начале XX в. Не менее достоверны работы по этническому составу, компактному расселению таджиков в горных местностях республики. Более интересны и менее идеологизированы труды по истории, этнографии, археологии и лингвистики древних таджиков³⁰. Тем

не менее, осталось очень много белых пятен, как в русской (дореволюционной) историографии, так и в советской. Например, объективное изучение таких важных для таджиков тем, как история народно-освободительного (националистического) движения – «джадидов» («новых» в переводе с арабского) против царского режима и «басмачества» против советской власти не велось по идеологическим соображениям. Или проблема «мужских домов», которые трансформировались в советское время в «мужские клубы», которая вовсе не рассматривалась по тем же идеологическим соображениям. Другой яркий пример: ученые-этнографы, изучавшие традиционный образ жизни таджиков, часто «сознательно» преуменьшали роль древних народных верований и демонологических образов, присутствующих в обрядовой практике таджиков, особенно горных. Плохо освещалась историками атеистическая борьба новой власти против религиозной мысли во всех республиках Центральной Азии, особенно в Таджикистане и Узбекистане. Никогда не говорилось о процессе насильственной «тюркизации» таджикского населения Самарканда и Бухары в Узбекистане все советские годы. Или никогда не писалось об принудительных миграционных процессах в республиках Центральной Азии, особенно в Таджикистане. Историки также умалчивали о том, что именно в советское время почти во всех союзных республиках

работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963; Бартольд В.В. Вместо ответа г-ну Лапину // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964; Бартольд В.В. Ещё о слове «сарт» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964; Бартольд В.В. О преподавании туземных наречий в Самарканде // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964; Бартольд В.В. Сарт // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964; Бартольд В. Рецензия на Н.А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 (1898) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968; Бартольд В.В. о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991, №5; Гафуров, 1972, 37. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., Наука, 1972; Давидович Е.А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. – Тр. АН Тадж. ССР, Т.27, Сталинабад, 1954; Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955 и т.д.

²⁶ Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. – Т.2 «Труды ИЭ АН СССР». – Т.17. – М., 1959.

²⁷ Моногарова Л.Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Тадж. ССР. Страны и народы Востока. – Вып.16. – М., 1975.

²⁸ Моногарова Л.Ф. Архаичный элемент похоронного обряда памирских таджиков (ритуальный танец) // Полевые исследования Института этнографии 1979 года. М., 1983.

²⁹ Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. – Т.2 «Труды ИЭ АН СССР». – Т.17. – М., 1959.

³⁰ См. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963; Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие

Центральной Азии зародились и эволюционировали этно-региональные кланы, которые скрыто, а иногда и открыто боролись между собой за власть на всех уровнях. Вовсе выпала из поля зрения ученых правовая культура народов Центральной Азии. Например, никто подробно не анализировал правовую систему «Одат», согласно которой таджики живут веками – жили задолго до прихода ислама и продолжают жить сегодня. Нормы обычного права, которые заложены в основу системы «Одат», восходят к античным временам, когда предки нынешних таджиков жили в пределах Эллинистического мира и Римской империи. Труды по изучению ислама в Центральной Азии имеют ярко выраженный идеологический характер. Советские историки не достаточно изучали нормы шариата, нравоучение хадисов, тафсиров сур Корана, мусульманскую мифологию, мусульманскую философскую мысль, например суфизм и т.д. Экспедиционные работы или полевые исследования ученых часто проводились под патронажем местных партийных структур, которые контролировали подачу и прием первичной научной информации на местах. Дальнейший процесс обработки, анализ и издание этой информации в виде диссертаций, монографий, сборников или отдельных научных статей также строго контролировался партийной цензурой.

После распада Советского Союза темпы научно-исследовательской работы во всех сферах науки замедлились на всем пост советском пространстве. В самой республике Таджикистан началась гражданская война (1992-1997 гг.) и наступил глубокий кризис не только в науке, но и в культуре в целом. Тем не менее, начиная со второй половины 90-х гг. в российской исторической науке стали появляться труды, посвященные политике, экономике и культуре народов Центральной Азии, в том числе таджикам. Среди них выделяется коллективная монография «Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения» 1998г., выполненная коллективом Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В этой книге несколько разделов посвящены Таджикистану. В них подробно рассматриваются проблемы распада СССР и приобретения независимости Республики Таджикистан, гражданской войны, политика, экономика республики до и после войны и т.д.

Вопросы, затрагивающие историю и культуру таджиков в XX в. вновь стали изучаться в трудах не-

которых нынешних российских ученых, таких как Карлов В.В., Поляков С.П., Бушков В.И., Рахимов Р., Абашин С., Бобохонов Р.С., и т.д.³¹

Например, С. Абашин пишет об этническом самосознании народов Центральной Азии, в том числе таджиков, следующее: «Существует еще один любопытный феномен, на который я хочу обратить внимание. Среднеазиатские жители довольно часто скрывают свою национальность, приписывая себе другую этничность. Надо заметить, что национальное или этническое самосознание в Средней Азии – явление позднее, фактически сформированное в XX веке. В прошлом для местного населения было характерно многоступенчатое, иерархичное самосознание, в котором переплетались племенные, региональные, сектантские, социальные идентичности. До сих пор многие группы могут воспринимать себя в зависимости от ситуации таджиками или узбеками, туркменами или узбеками, киргизами или узбеками и так далее. Сохраняется двуязычие и трехязычие (если учитывать достаточно широкое распространение русского языка). На уровне личностных отношений для среднеазиатских жителей имеет значение, откуда человек родом, а не национальность, записанная в паспорте»³². Со многими выводами автора трудно согласится.

³¹ См. Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР: (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов). 1920-1980 гг. Ч.2. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана: хозяйство, социальная организация, этническая история. М., 1980; Рахимов Р.Р. К вопросу о современных таджикско-узбекских отношениях. М., 1991; Абашин С. Концепции этничности и экономические стратегии в среднеазиатском обществе//Ислам в Содружестве Независимых Государств №2(3) 2011; Абашин С. Регионализм в Таджикистане: становление «этнического языка»// Расизм в языке социальных наук. СПб, 2002; Бобохонов Р.С. Эволюция верховной власти в Таджикистане(1982-2007 гг.)//Правитель и его поданные. Под ред. Д.М. Бондаренко. М., 2009; Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане(1992-1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки//Общественные науки и современность. №3. 2011; Бобохонов Р.С. Таджикистан(XX в.). Упадок и возрождение традиционализма. М., 2010; Бушков В.И. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995; Бушков В.И., Толстова Л.С. Население Средней Азии и Казахстана (очерк этнической истории) // Расы и народы. Вып. 27. М., 2001 и т.д.

³² Абашин С. Концепции этничности и экономические стра-

Другая работа была написана и опубликована автором этой статьи «Таджикистан(XX в.). Упадок и возрождение традиционализма»³³. Эта работа является первым опытом комплексного исследования некоторых аспектов этнополитической и социокультурной истории таджиков в XX в., которые были очень плохо изучены или вовсе не изучены в отечественной исторической науке в силу разных причин. Эти аспекты более ярко отражают упадок и возрождение традиционализма в таджикском обществе в XX и начале XXI в. Разделы данной монографии отражают мнение автора по конкретным важным проблемам истории и культуры таджиков данного периода.

Следует отметить, что эта работа основана на источниках комплексного характера. Прежде всего, использованы полевые этнографические материалы автора, собранные в 80-90-х годах прошлого и первые годы нынешнего столетия в разных горных районах республики. Подробное историко-этнографическое изучение горных таджиков в данной работе помогло автору реконструировать традиционное таджикское общество. Если в советские годы в республике полным ходом шел процесс модернизации и упадок традиционализма, то после распада СССР начался другой и более сложный процесс: возрождение традиционализма во всех сферах жизни общества сопровождается внедрением некоторых элементов модернизации (либеральные ценности, свободный рынок, электронные СМИ, Интернет, мобильная связь, спутниковое ТВ и т.д.).

Другая работа этого автора называется: «Эволюция верховной власти в Таджикистане(1982-2007 гг.)»³⁴. В ней автор подробно анализирует проблему эволюции верховной власти в Таджикистане до и после распада СССР. По мнению автора, в республиках Центральной Азии в силу разных причин (исторического, географического, правового, этнокультурного и этнопсихологического характера) выбор новой модели государственной власти был заранее определен в пользу авторитарной власти в духе

известной классической модели «восточной монархии». Во всех республиках Центральной Азии, кроме Таджикистана, у власти оставались бывшие первые секретари республиканских коммунистических партий. В результате этого, в Казахстане и Киргизии установилась президентская власть «мягкого авторитаризма» Нурсултана Назарбаева и Аскера Акаева, в Узбекистане «жесткого и полицейского авторитаризма» Ислама Каримова, в Туркмении модернизированная «восточная монархия» Туркменбаши – Сапармурада Ниязова. В Таджикистане передача верховной власти из одной системы в другую произошла не только мирным путем, но и посредством гражданской войны в 1992-97 гг. и в несколько этапов³⁵.

Еще одна работа автора этой статьи посвящается гражданской войне в Таджикистане («Гражданская война в Таджикистане(1992-1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки»)»³⁶. В данной статье автор пытается на базе огромного полевого материала (рассказы очевидцев, участников двух митингов в столице, беседы со многими лидерами различных партий и общественных движений, опрос жителей населенных пунктов, где происходили боевые действия, размышления на эту тему многих деятелей культуры республики, разговоры с некоторыми полевыми командирами и религиозными деятелями и т.д.) изучить проблему гражданской войны в Таджикистане. Впервые подробно анализируются основные причины возникновения конфликта, детально описываются основные этапы боевых действий, определяются масштабы и последствия этой страшной войны, приводятся рассуждения автора об уроках этой трагедии для всего таджикского народа. В постсоветское время стали доступны для изучения некоторые фундаментальные исследования зарубежных ученых, касающиеся истории и культуры народов Центральной Азии, написанные еще в конце XIX и в XX в.³⁷. Появились также интересные работы на эту

тегии в среднеазиатском обществе//Ислам в Содружестве Независимых Государств №2(3) 2011.

³³ Бобохонов Р.С. Таджикистан(XX в.). Упадок и возрождение традиционализма. М., 2010.

³⁴ Бобохонов Р.С. Эволюция верховной власти в Таджикистане(1982-2007 гг.)//Правитель и его поданные. М., 2009.

³⁵ Бобохонов Р.С. Эволюция верховной власти в Таджикистане(1982-2007 гг.)//Правитель и его поданные. М., 2009.

³⁶ Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане(1992-1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки//Общественные науки и современность. №3. 2011.

³⁷ См. Bregel Yu. The Sarts in the Khanate of Khiva // Journal of Asian History. 1978, vol. 12, №2; De Ujfalvy de Mezo-Kovesd Ch.E. Expedition scientifique franchise en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan. Vol.1. Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja avec un appendice sur la Kashgarie. Paris, 1878; De Ujfalvy de

тему, принадлежащие современным зарубежным авторам. Эти работы посвящены, прежде всего, этнополитической ситуации, геополитики и перспективы создание Евразийского союза.

Данная историографическая работа автора яв-

ляется, как было отмечено выше, первой попыткой в изучении историографии Таджикистана(нового и новейшего) времени. Исследование автора в этом направлении исторической науки в ближайшее время будут продолжены.

Библиография

1. Абашин С. Концепции этничности и экономические стратегии в среднеазиатском обществе//Ислам в Содружестве Независимых Государств №2(3) 2011.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад,1953.
3. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С.-Петербург,1889.
4. Бобохонов Р.С. Эволюция верховной власти в Таджикистане(1982-2007 гг.)//Правитель и его поданные. М.,2009.
5. Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане(1992-1997 гг.).Причины, ход, последствия и уроки// Общественные науки и современность.№3.2011.
6. Бобохонов Р.С. Таджикистан(XX в.). Упадок и возрождение традиционализма. М., 2010.
7. Брискин А. Страна таджиков. – М.;Л.,1930.
8. Гинзбург В.В. Горные таджики. – М.; Л., 1937.
9. Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872.
10. Зарубин И.И. Население Самаркандской области. Л., 1926.
11. Кисляков Н.А. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе Таджикив//Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР. – М., 1960.
12. Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч.2, Гиссарская экспедиция, 1896. – С. – Петербург, Типо-литография «Герольда», 1902.
13. Логофет Д.Н. Кулябское бекство//Туркестанские ведомости, №111, 1905.
14. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – С. – Петербург, 1913.
15. Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991;
16. Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2004;
17. Моногарова Л.Ф. Архаичный элемент похоронного обряда памирских таджиков (ритуальный танец)/ Полевые исследования Института этнографии 1979 года. М., 1983.
18. Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографию язгулемцев//Среднеазиатский этнографический сборник. – Т.2 «Труды ИЭ АН СССР». – Т.17. – М.,1959.

Mezo-Kovesd Ch.E. Expedition scientifique franchise en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan. Vol.4. Atlas antropologique des peuples du Ferghanah. Paris, 1879; Rakowska-Harmstone T. Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadjhikistan. Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970; Schuyler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kho-kand, Bukhara, and Kuldja. Vol.I-II. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1876.

19. Моногарова Л.Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Тадж. ССР. Страны и народы Востока. – Вып.16. – М.,1975.
20. Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М.,1962.
21. Пещерева Е.М. Поездка к горным таджикам: Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М.; Л., 1947.
22. Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе, 1976.
23. Писарчик А. К. Жилище/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970.
24. Писарчик А. К. Смерть. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976.
25. Писарчик А.К. К вопросу о припамирско-кавказских параллелях// Памяти А.А. Семенова. Душанбе: Дониш, 1980.

References (transliteration)

1. Abashin S. Kontseptsii etnichnosti i ekonomicheskie strategii v sredneaziatskom obshchestve//Islam v Sodruzhestve Nezavisimyykh Gosudarstv №2(3) 2011.
2. Andreev M.S. Tadzhiiki doliny Khuf. Izd. AN Tadh. SSR, Stalinabad,1953.
3. Arandarenko G.A. Dosugi v Turkestanе 1874-1889. S.-Peterburg,1889.
4. Bobokhonov R.S. Evolyutsiya verkhovnoy vlasti v Tadhikistane(1982-2007 gg.)//Pravitel' i ego podannye. M.,2009.
5. Bobokhonov R.S. Grazhdanskaya voyna v Tadhikistane(1992-1997 gg.).Prichiny, khod, posledstviya i uroki// Obshchestvennye nauki i sovremennost'.№3.2011.
6. Bobokhonov R.S. Tadhikistan(XX v.). Upadok i vrozozhdenie traditsionalizma. M., 2010.
7. Briskin A. Strana tadhikov. – М.; Л.,1930.
8. Ginzburg V.V. Gornye tadhiki. – М.; Л., 1937.
9. Grebenkin A.D. Tadhiki // Russkiy Turkestan. Sbornik, izdannyy po povodu politekhnicheskoy vystavki. Vyp. 2. M., 1872.
10. Zarubin I.I. Naselenie Samarkandskoy oblasti. L., 1926.
11. Kislyakov N.A. Nekotorye materialy k voprosu ob etnogeneze Tadhikov//Kratkie soobshcheniya Instituta Etnografii AN SSSR. – М., 1960.
12. Lipskiy V.I. Gornaya Bukhara. Rezul'taty trekhletnikh puteshestviy v Srednyuyu Aziyu v 1896, 1897 i 1899 godu. Ch.2, Gissarskaya ekspeditsiya, 1896. – S. – Peterburg, Tipo-litografiya «Gerol'da», 1902.
13. Logofet D.N. Kulyabskoe bekstvo//Turkestanskіe vedomosti, №111, 1905.
14. Logofet D.N. V gorakh i na ravninakh Bukhary (oчерki Sredney Azii). – S. – Peterburg, 1913.
15. Masov R. Istoriya topornogo razdeleniya. Dushanbe, 1991;
16. Masov R. Tadhiki: vytesnenie i assilyatsiya. Dushanbe, 2004;
17. Monogarova L.F. Arkhaichnyy element pokhoronnoy obryada pamirskikh tadhikov (ritual'nyy tanets)/ Polevye issledovaniya Instituta etnografii 1979 goda. M., 1983.
18. Monogarova L.F. Materialy po etnografiyu yazgulemtsev//Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik. – T.2 «Trudy IE AN SSSR». – T.17. – М., 1959.
19. Monogarova L.F. Etnicheskiy sostav i etnicheskie protsessy v Gorno-Badakhshanskoy avtonomnoy oblasti Tadh. SSR. Strany i narody Vostoka. – Vyp.16. – М., 1975.
20. Narody Sredney Azii i Kazakhstana. – Т.1. – М., 1962.
21. Peshchereva E.M. Poездka k gornym tadhikam: Kратkie soobshcheniya Instituta etnografii im. Miklukho-Maklaya. – М.; Л., 1947.
22. Peshchereva E.M. Yagnobskie etnograficheskie materialy. – Dushanbe, 1976.
23. Pisarchik A. K. Zhilishche/Tadhiki Karategina i Darvaza. – Dushanbe: Donish, 1970.
24. Pisarchik A. K. Smert'. Pokhorony/Tadhiki Karategina i Darvaza. – Dushanbe: Donish, 1976.
25. Pisarchik A.K. K voprosu o pripamirsko-kavkazskikh parallelyakh// Pamyati A.A. Semenova. Dushanbe: Donish, 1980.